

— Он его родил, — произнёс Юй Цюся.

Все тут же повернулись к нему. На лице Лу Шэна отразилось глубокое отвращение:

— Что за чушь?

— Я говорю то, что слышал, — спокойно повторил Юй Цюся. — Пророк твердил: «Он его родил».

Затем он подробно рассказал остальным о зацепках, найденных сегодня в архивных подшивках новостей, не став утаивать и шокирующее известие о мужской беременности.

— Ты хочешь сказать, у Ху Бая заметно округлился живот? — нахмурился доктор Чжань.

— Не то чтобы очень сильно, — подал голос Фан Сынун. — Просто на фоне его общей худобы это бросается в глаза. — Немного помолчав, он добавил: — Но раз в архивах нашлось упоминание о мужских родах, эту зацепку точно нельзя сбрасывать со счетов.

— Если это правда... — Яо Ван не стала спорить, а лишь задумчиво продолжила мысль: — То что тогда имел в виду Пророк, когда указывал на эту малосемейку и кричал: «Он его родил, он его родил»?

Юань Гуаньцзюнь соображала быстрее остальных. Она прямо посмотрела на Юй Цюся:

— Вы считаете, что Ху Бай и есть главный герой нашей пьесы?

Юй Цюся уклончиво пожал плечами:

— Не исключено.

— Скоро начнётся третья ночь, — с мрачным видом процедил Лу Шэн. — Мы и так потеряли кучу времени, у нас его почти не осталось.

Цзин Шипин поддержал его:

— Давайте соберём все ниточки воедино. Пора бы уже сложить картину и понять, что за пьесу мы разыгрываем.

Остальные согласно закивали.

Затем другие группы поделились своими находками.

Юань Гуаньцзюнь, Лу Шэн и Цзин Шипин весь день бродили по трущобам этого анклава. Им удалось выяснить две важные вещи. Во-первых, они проследили за перемещениями местных бездомных и набросали карту. Оказалось, бродяги кучкуются в основном на окраинах посёлка — плотность их стоянок росла к границам и сходила на нет ближе к центру. При этом в восточной части центрального района зияла абсолютная пустота: там не было ни единого следа присутствия маргиналов, словно в самом эпицентре бури, где всегда царит мёртвый покой. Во-вторых, в глухом тупике они наткнулись на брошенный автомобиль. Цзин Шипин осмотрел его и пришёл к выводу, что машину можно поставить на ход. Закупившись запчастями в хозяйственной лавке, они до вечера возились под капотом и всё-таки реанимировали её.

Тут вмешалась Яо Ван:

— Меня всё не отпускает предчувствие насчёт тех подозрительных местных жителей. Сегодня я решила с ними разговориться. Хозяйка цветочного попросила меня помочь составить букеты. Похоже, это был скрытый квест — я согласилась. Когда всё закончили, она осталась довольна и предложила мне в следующий раз помочь ей с закупками. Судя по её намёкам, она вполне может одолжить мне свой фургон.

— Если в двух разных местах всплывает автомобиль, это неспроста, — оживилась Юань Гуаньцзюнь.

Чу Шэньнань добавил:

— К слову о машинах. Я сегодня расспрашивал кумушек у подъездов про Пророка. Болтали они знатно, у каждой своя версия, но одна деталь заслуживает внимания: когда-то этот сумасшедший был образованным человеком и знатным благотворителем. А рассудком тронулся после того, как всю его семью насмерть сбил автомобиль.

— Зацепок уже прилично, — кивнула Юань Гуаньцзюнь и перевела взгляд на Юй Цюся. — Что думаешь по этому поводу?

— Считаю, что на данном этапе сюжета главным героем может быть один из троих: Ху Бай, безумец или убийца.

— С безумцем связаны машина, автокатастрофа и его крики у нашего дома. Очень похоже, что он близко знал Ху Бая и, возможно, даже был в курсе его... деликатного положения. Это связывает их двоих.

— С Ху Баем связана тайна деторождения. Кроме того, судя по всему, именно он нанял нас в качестве сыщиков. Значит, он отчаянно ищет убийцу. Это его связь со злодеем.

— С самим убийцей связаны разбитые окна, синяки, побег из тюрьмы и длинный шлейф безнаказанных расправ. Он ускользал годами, смертный приговор так и не привели в исполнение. Наш наниматель жаждет его крови. Но лично мы с ним пока не сталкивались и почти ничего о нём не знаем.

Закончив речь, он изящно и плавно склонил голову набок:

— Пожалуй, это всё, к чему я пришёл на данный момент.

Цинь Фэй, до этого хранившая молчание, тихо прошептала:

— С ума сойти... Как всё разложено по полочкам.

— Картина предельно ясна, — Юань Гуаньцзюнь обвела взглядом собравшихся. — Есть кому что добавить?

Все промолчали.

— Тогда пойдём по порядку.

— Если ключевой фигурой выступает Ху Бай, — задумчиво протянул Цзин Шипин, — то деторождение — это наш главный ориентир.

— Существуют ли известные пьесы о мужской беременности? — нахмурился Лу Шэн.

Под прицелом десятка глаз Юй Цюся лишь покачал головой:

— На ум ничего не приходит.

— А у вас, Учитель Юань? — спросила Яо Ван.

Фан Сынун помнил, что Юань Гуаньцзюнь по профессии куратор выставок, женщина глубоко творческая и начитанная. Уж она-то должна знать толк в драматургии.

Но та лишь развела руками:

— Всё, что вертится в голове на тему мужских родов — это современный авангард. Семейные драмы, проблемы гендерной самоидентификации, вопросы ориентации... Ничего, что ложилось бы на нашу мрачную атмосферу.

В комнате повисла тишина. Наконец Цзин Шипин нарушил её:

— Ладно, давайте тогда вернёмся к безумцу...

— Сегодня мы вряд ли докопаемся до сути, — мягко оборвал его Юй Цюся, глядя на угасающие за окном багровые лучи. — Солнце почти село, пора расходиться по комнатам. Давайте переспим с этими мыслями, а завтра продолжим.

Стрелки часов приближались к без десяти восемь. Рисковать и оставаться в коридорах после наступления темноты никто не решился.

Все потянулись к выходу. Проходя мимо доктора Чжаня, Юй Цюся тихо обронил:

— Доктор Чжань, если представится случай, присмотритесь, пожалуйста, к его животу.

— Договорились, я обращаю внимание, — кивнул тот.

Когда они поднялись на пятый этаж, произошла небольшая заминка. Цзин Шипин снова наотрез отказался ночевать в одной комнате с Цинь Фэй.

Девушка, естественно, затряслась и едва не расплакалась, но старик на этот раз проявил редкое упрямство:

— Цинь Фэй, ну сама посмотри. Вчера доктор Чжань ночевал один, и ничего с ним не случилось. Перестань паниковать, ложись спать, утро вечера мудренее.

Она не унималась, тихо всхлипывая. Цзин Шипин окончательно насупился:

— Хватит сырость разводить, иди к себе. Пойми ты наконец: в этом мире каждый сам за себя. Вчера я рискнул головой и остался с тобой только потому, что знал — Линь Чжэ нарушил правило с завтраком, и смерть должна была прийти за ним. Я свою долю страха отработал. Больше испытывать судьбу не буду.

Дверь за ним захлопнулась. Цинь Фэй осталась плакать в пустом коридоре.

Впрочем, остальные к тому времени уже разошлись по своим углам. Деваться ей было некуда, и, глотая слёзы, она поспешила подняться на шестой этаж.

Этот день выдался на удивление спокойным. Фан Сыгун принял горячий душ, отогрелся и, разомлев от тепла, растянулся на кровати. На краткий миг кошмар этого мира отступил, растворившись в блаженной истоме.

Он уже проваливался в сон, когда боковым зрением уловил движение — из ванной вышел Юй Цюся.

Фенов и пушистых полотенец здесь не водилось. Юй Цюся был всё в той же белой рубашке, а с мокрых волос на плечи падали крупные капли.

Не раздумывая, Фан Сынуна рывком поднялся с постели, подхватил свою куртку и принялся бережно промакивать влажные пряди.

Юй Цюся уже сидел на краю кровати. Почувствовав, как голову накрыла мягкая ткань, он испуганно поднял взгляд и столкнулся со взглядом Фан Сынуна.

Тут Фан Сынуна словно ледяной водой окатило. Сонливость как рукой сняло, а в голове завертелись панические мысли.

Эти действия не поддавались никакому логическому объяснению. Они словно были продиктованы инстинктом, въевшимся в самую подкорку за долгие годы.

Юй Цюся молча отвёл взгляд и слегка наклонил голову, позволяя продолжить.

Неловкость, от которой у Фан Сынуна мгновение назад выступил холодный пот, вдруг сменилась щемящим теплом. По телу разлилась приятная истома, кончики пальцев слабо закололо.

Оцепенение длилось всего пару секунд, после чего он снова принялся сушить его волосы.

Пряди у Юй Цюся были длинными, до самой поясницы — светлые от природы, тонкие и нежные, точно шёлк. Совсем не такие, как у самого Фан Сынуна, чья шевелюра была жёсткой и непослушной. Такие волосы требовали бережного ухода, иначе они мгновенно путались.

Он аккуратно продвигался от корней к самым кончикам. За долгие годы он проделывал это тысячи раз, но сейчас, без фена под рукой, действовал с особой, трепетной осторожностью.

Удивительно: последние два года, изнывая от разлуки, Фан Сынуна представлял эту сцену в самых разных красках. Он думал, что если ему вновь доведётся коснуться его волос, сердце разорвётся от нахлынувших чувств. Но сейчас в груди царил странный, глубокий покой. Разум был чист, словно все тревоги разом испарились.

В глубокой, обволакивающей тишине прошло около получаса. Когда Фан Сынуна уже досушивал кончики волос, Юй Цюся вдруг мягко откинулся назад, прислонившись спиной к его груди.

Фан Сынуна не шелохнулся, бережно убирая последние капли с его висков. Чтобы нарушить это

затянувшееся молчание, он негромко спросил:

— Твоя память... Она ведь тоже обострилась после переноса? Сегодня мне показалось, что ты запоминаешь вообще всё с первого взгляда.

— Да, — едва слышно отозвался Юй Цюся, прикрыв глаза. — Сильнее всего у меня обострились зрение и память.

— Ну вот и всё, — выдохнул Фан Сынун. Он не удержался и напоследок ласково провёл ладонью по гладкому шёлку волос. — Забирайся под одеяло, а то весь замёрз.

Юй Цюся послушно скользнул под простыню.

Фан Сынун поднялся, расправил влажную куртку и повесил её на спинку стула. В этой дорогой вещице он когда-то ходил на светский вечер к Вань Чуньхуа, а теперь она висела унылой, измятой тряпкой. Впрочем, ему было плевать на испорченную одежду — лишь бы высохла к утру.

Он обернулся и посмотрел на кровать: Юй Цюся уже лежал с закрытыми глазами.

Кожа у него была настолько бледной, что казалась почти прозрачной, отчего темные тени под глазами выделялись особенно резко.

Фан Сынун тихо вздохнул, ещё раз проверил запоры на окнах, выключил свет и лёг в свою постель.

Он знал, что Юй Цюся не спит. Скорее всего, тот вообще не сможет сомкнуть глаз до самого утра — в прошлые ночи, когда бы Фан Сынун ни просыпался, Юй Цюся всегда бодрствовал и мгновенно реагировал на малейшее его движение. Это говорило о чутком, болезненном полусне.

Фан Сынун честно пытался заставить себя уснуть, но в конце концов не выдержал:

— Как ты себя чувствуешь?

Юй Цюся промолчал, но его дыхание на секунду сбилось.

Фан Сынун тихо продолжил:

— Тебе всё ещё снятся кошмары?

Прошло много времени. Когда он уже потерял надежду получить ответ, из темноты донёлся тихий шёпот:

— Снятся.

От этого короткого слова у Фан Сынуна заныло под сердцем, будто туда вогнали лезвие.

На миг он снова очутился в том самом липком сне, который преследовал его два долгих года: за окном уныло шумит дождь, качаются ветви вязов, а на подоконнике белеет записка с бесконечным, выведенным чьей-то рукой словом «смерть».

Он сглотнул подступивший к горлу ком и дрожащим голосом спросил:

— Тебе всё ещё... хочется умереть?

Ответ пришёл не сразу. Юй Цюся долго молчал, прежде чем прошептать:

— Иногда.

Фан Сынун не знал, что сказать. В груди разлилась глухая, невыносимая боль, сковавшая всё тело.

— Спи, — тихо прервал его молчание Юй Цюся. — Если сейчас не уснёшь, то скоро эта жуть за стеной опять поднимет шум, и тогда уже точно не сомкнёшь глаз.

— Эта жуть? — ухватился за возможность сменить тему Фан Сынун. — Ты про тот стук, что доносится каждую ночь? Догадываешься, кто это?

— Есть пара мыслей, — отозвался тихий, сонный голос. — Ложись спать. Завтра поговорим.

Фан Сынун с трудом сглотнул вязкую слюну и замолчал.

<http://bllate.org/book/20607/2131652>